

Интервью номера

Русский курьер, - 2004 - 23 июля - с. 22-23

Кого любит Роман Виктюк

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ

Иду на «Козу»

— Роман Григорьевич, фестиваль в Доме музыки продлится еще три недели. Самый «старый» спектакль, который вы здесь показывали, насколько я понимаю, — «Саломея».

— Да, «Саломея» шесть лет. А самому младшему — «Нурееву» — скоро семь месяцев. Все спектакли относительно новые. Как я говорю, это мой детский сад. В советское время детский сад летом вывозили на дачу, на речку, в лес, ради оздоровительного процесса...

— Можно подумать, вы когда-нибудь ходили в детский сад. Ни за что не поверю.

— Никогда. Даже не знаю, где это. Родителям в голову не могло прийти отдать меня в коллектив...

— Тем не менее тут вам и речка, и зеленые лужайки, и самый дорогой зал Москвы.

— Да, очень дорого, но они нас пригласили, и мы этим гордимся. В ноябре, после Израиля, опять будем здесь играть.

— Вы едете в Израиль?

— В октябре, с «Нуреевым». А весной повезем его в Нью-Йорк, в Линкольн-центр. Год у нас ожидается развездной.

— То есть без премьер?

— Как без премьер, глупенькая?!

Как раз в ноябре, в Доме музыки сыграем «Последнюю любовь Дон Жуана». Это француз Эрик Шмитт. Потом будет «Генрих IV» Пиранделло. А потом... Олби разрешил нам поставить свою последнюю пьесу, называется «Коза».

— «Гроза»?

— «Коза»! Про любовь к козе.

— Про натуральную любовь? В смысле — зоофилию?

— Ну да. Гениальная пьеса! Написана потрясающе! Шла на Бродвее. У нас Гали Волчек ее хотела ставить. Уже начали репетировать, но Кваша сказал, что он на Первом канале ведет эту самую передачу — не то «Жди меня», не то «Найди меня», у него имидж положительного человека, и он не может на сцене любить козу... Это не смешно. У Гали была настоящая драма.

Пол Хлебников

и «небесные невесты»

— Возможен ли фестиваль, который соберет давние, легендарные спектакли Виктюка?

— Это вполне реально. Таким фестивалем мы хотели бы открыть помещение нашего театра в Сокольниках. Была идея начать со всех моих замечательных небесных невест. Первой должна быть Алиса Фрейндлих в «Осенних скрипках». Потом Елена Образцова, Ада Роговцева и, наконец, Наташа Макарова...

— «Двое на качелях»?

— Да, она согласна и очень хочет. Более того, когда мы повезем «Нуреева» в Америку, Наташа будет принимать участие в спектакле. В финале мы сделаем с ней интервью, диалог... Не знаю точно, как назвать. Их трюковые отношения — ее, Рудольфа и Миши Барышникова — это так грустно и так трогательно...

— На какой стадии сейчас находится реставрация ДК Русакова и когда наконец ваш театр начнет принимать зрителей по месту прописки?

— Самое грустное, что погиб Пол Хлебников — именно он привез нам

«Ведь кто из Западной Украины вылетел в мир? Башмет, я и Явлинский. И когда Явлинский говорит, что нам надо здесь организовать свою украинскую группу, я говорю: хоть завтра, пожалуйста»

Дмитрий Бозин в роли Рудольфа Нуреева

первый транш из Америки, от организации охраны памятников. Мы встречались с ним и в Нью-Йорке, и здесь. Он был общительный, милый, с юмором. В Нью-Йорке ездил на метро. Меня это очень подкупило: помню, он вышел из метро и мы гуляли по городу, обсуждали следующий транш, который нам должны были перевести...

На сегодняшний день есть предписание мэра, здание точно остается за нами, но я человек суеверный, и боюсь сказать, когда мы откроемся. Единственное, что уже ясно: зал будет таким же уникальным, как архитектура Мельникова. Американцы, помогавшие Питеру Бруку в Париже и в Нью-Йорке, бесплатно дарят нам проект — еще более изысканный, точный и грандиозный. Сцены нет. Пространство может меняться. Но все это будет на советской основе. Потому что неправильно выбрасывать целую страну и целую эпоху, продуктами которой мы все до сих пор являемся и, уж конечно, являлся сам Мельников.

— Серп и молот на стену прилепите?

— Нет, но есть же все-таки юмор советской эпохи, есть воздух, в котором работал Мельников. Это надо сохранить.

— Что касается ваших «небесных невест» — существуют новые планы?

— Альдо Николаи специально написал пьесу для Алисы Фрейндлих, Лены Образцовой и Иры Соколовой — «Страсти по Радамесу». Планы есть, но Лена, собака, так занята... Мы ведь уже начинали с ней репетировать Мазоха, «Венеру в мехах», и уже на но-

что по первому — поэтому они набираются на роли, снимаются, глупеют. Уже ко второму этапу, когда должно включаться сердце, они выдохлись. А до третьего, где соединение сердца и ума, никто не доходит. У Дорониной сейчас третий период. Я вот думаю, кто мог бы повлиять на нее в области ума? С сердцем все в порядке, сердце у нее грандиозное. Кто бы ум немножко подкорректировал? Я знаю, кто...

— И я знаю. Радзинский.

— Да, да, да. И думаю, он согласится... Я ее люблю, и как только она меня позовет, я буду тут же, немедленно. Вторая моя трагедия — это Ада Роговцева. Я уже через президента Украины пытаюсь объяснить, что такая великолепная артистка, в такой фор-

ним. Всю их любовь-вражду я знаю доподлинно. Мы репетировали с Наташей в Сан-Франциско, когда позволили из Парижа и сказали, что Нуреев умер. Они с Мишей Барышниковым тут же сели сочинять текст для газет...

— Слово свое вы сдержали. В этом году, в день смерти Нуреева была сыграна премьера «Нездешнего сада». По-моему, спектакль великолепный.

— Тише, тише... Да, вы написали.

— Тем не менее по итогам сезона он не получил никаких премий, не попал ни в какие номинации, и даже опросы критиков о нем молчат. Почему вы так прочно выпали из московского театрального мейнстрима?

— Можно шагнуть в ногу с победной армией и подстраиваться под ее ритм, а мне гораздо проще оставаться на обочине. Так всегда было.

— Ну, положим, сейчас театральный официоз почти отсутствует, и все шагают в разные ноги. Чем «Нуреев»-то не угодил?

— Понятия не имею. Для меня все-таки главный ориентир — это зал. Что здесь творилось на «Нурееве»... Пришел продюсер вот этого контртенора Дэниэлса, Марк Хилдрю. Какие слова произносил, не буду повторять, но в итоге сказал, что берет нас под свое крыло и готов возить по миру.

— А «Золотая маска» вам не нужна?

— Если б я об этом думал... Кстати, с меня хотели начинать премию, которую Березовский дает, как она называется?

— «Триумф».

— «Триумф». Пришел замечательный писатель, с которым я дружу. И дочка Березовского была — не знаю, младшая, старшая, понятия не имею. Я им совершенно искренне сказал, что не вижу в этом смысла.

— Плюнули на 50 тысяч баксов?

— Вот тебе крест, я не знал, сколько они дают. Думал — ну тысячу, ну пять... Но все равно: а если объявят, что он главный преступник, мне что потом, эти деньги возвращать? Некоторым же приходилось сжигать партбилеты. А у меня не было партбилета, я не состоял ни в партийной, ни в комсомольской организации, ни в профсоюзе, ни в детском саду...

— Похоже, что и в театральном сообществе Москвы вы тоже не состоите.

— Почему? Я со всеми дружу. Я со всеми работал. Они все у меня играли — те, кто сейчас у театральной власти. Все до единого.

— И Калягин?

— А как не играл?! Калягин со мной начинал, сумасшедшая!.. Когда он пришел во МХАТ, он фантастически играл с Катей Васильевой в спектакле по Рошину «Муж и жена». А потом — в ленте «Игроки».

— Точно, точно. Извиняюсь. Насколько я понимаю, вы человек не конфликтный?

— Ницца чудно сказала: дух человеческий проходит три воплощения. Верблюд, лев и самая высокая форма — ребенок. Ребенок — это колесо, которое вертится само по себе. Это энергия света. И тогда все внешнее, что пытается воздействовать на этот свет, оно либо обжигает себе крылья, либо растворяется в нем и становится его частью.

— А если пашешь, как верблюд, а рычишь на всех, как лев, — есть ли у такого гибрида шанс стать ребенком? Что говорит по этому поводу Заратустра?

— Он говорит, что это невозможно.

ме, живет без театра. Никого это не волнует. Несколько месяцев назад я по телевидению на разрыв аорты объяснял, почему это преступление, почему так не может быть. Пресса поддержала, на этом все закончилось. И боль моя — Алиса Фрейндлих. Я всякий раз Кириллу Лаврову говорю: пусть она с нами работает. «Ой, не надо». «Но что она будет играть?» «Ничего, но мы думаем». Проходят сезоны за сезоном, и ни-че-го. А наши ребята ее обожают, она такой человек уникальный. Пришла и сказала, что хочет учиться. Я-то готовил ребят, что придет большая актриса, вы уж смотрите... В Америке, в «Атлантик-Сити», мы каждый вечер собирали по четыре тысячи народу, она выходила на поклон, вся сцена в цветах, у нее только слезки текли по лицу. И я ей говорю: Алиса, ты стоишь такая молодая, совсем девчонка. Что ж ты говорила мне перед началом, что ты старая, больная, не можешь, четыре тыщи народу... А слабо сейчас сыграть все сначала? Она говорит: я готова. И один раз в Израиле, когда ор такой стоял, я вышел и сказал: так, садись, мы начинаем все сначала...

А Наташа Макарова — уникальная. В мире балета номер один, а в человеческом смысле такой ребенок, так открыта миру. Как она там уцелела, я не представляю. Мы ведь хотели поставить спектакль с ней и с Нуреевым — «Учитель танцев». Он должен был играть Альдемаро...

«Вертюк уже пришел»

— Когда вы пообещали Нурееву, что поставите о нем спектакль?

— Когда во Флоренции он танцевал «Шинель» с группой итальянских ребят. Это был его последний спектакль. Ребята были чудовищные, он уже тоже ничего не мог, и две семьи подали на него в суд: что это не Нуреев и они зря потратили деньги, и настроение у них испорчено...

— Танцевать можно, смотреть нельзя.

— Да. И когда я к нему пришел — обычно у его примерной всегда была толпа, не войдешь, надо стучаться условным стуком, а тут — пустой коридор. Он с такой радостью закричал: кам ин... Вот тогда я дал ему слово: когда-нибудь я поставлю о тебе спектакль.

— Вы долго были знакомы?

— Сколько с Наташей, столько и с